

Иван Дзюба

ЛУНА ИЗ ОКНА

Иван Дзюба

ЛУНА ИЗ ОКНА

<https://litres.ru/74187774>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стихотворения о человеческой жизни, о любви, о природе и много, о чём, что окружает наш мир земной! О стремлении познать себя, где спрятаны великие чувства высоких материй и безграничные силы слов, подаренных нам бесконечностью творчества! Всесильные человеческие чувства открываются при чтении стихотворений и их созиданий! Все в мире едино и разнообразно!

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	53

ЛУНА ИЗ ОКНА

Глава

ЛУНА ИЗ ОКНА

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ

Что может быть ценнее на Земле:
Любовь, возвышенность, иль стойкость?
Иль детский смех, не спрятанный во зле,
А чистый, что родник на звонкость?

Иль цвет, живущий на величье дня,
Что распахнулся в звон июля?
Где высю колокольчики звонят –
В небесье, где таится воля?

Иль рядом, что сияньем, зверобой –

На радость дню, что солнце дивью?
Где ветер, по разгульности лихой –
Потреплет, ласковою силой?

Иль край бескрайности иных краёв, –
Что может быть ценнее жизни?
Взмахнёт, безустально, в чужой наём –
И забывай, что в жизни пришлый?

Иль повороты дня, что к ночи мрак,
Где тайности цветов – небес маяк,
Наполнит звёздным удивленьем?

И всё, что было, есть, и будет вновь,
То станет ценностью мгновений?
И свет миров, откроет вечный зов –
До высоты стихотворений?

Быть может да, а может быть, и нет,
Спросить бы в радости, кого же?
И небо святостью, сквозь тучность вех:
Ценнее всё – и нет дороже!

ЧЕЙ ЗОВ?..

Чей зов стучит в закрытое окно?

Что ищет он в давно забытых снах?
Не уж ли песнь, неспетая в устах –
На высь зовёт, что звон колоколов?

Где возлетанье трели соловья,
Что поцелуи тёплых жарких губ.
Где жизнь умеет верностью сиять –
И расцветать, под сердца чуткий стук.

Где ночь разлита лунностью небес,
И тишина, не вспугнутая в лес.
И птичий говор – таинства простор,
Возвысит чувства: мы с тобой – восторг!

И травы пахнут, мятой, чабрецом,
И жизнь играет, что ручей ключом.
И мы с тобой в ночи за высь летим –
И остановок нет: ведь мы – в любви!

В пути своём, любовью навсегда,
Где восхищеньем святости года!
Где лунный свет, нам тишиною свят,
И мы с тобой вдвоём, что мира стать!

Но, кто же, стуком таится в окно?
Неужли птица мысль несёт свою?

Чтоб вознестись со мною в небеса –
Зовёт, неспетой песнею, в кустах?

НА ПЕРВОЕ МАЯ

На первое мая – флаги поднимаем,
Под мысли восторгов, всё выше и выше!
Под шаг демонстрантов мы память вскрываем –
И трепетным флагом мы будущим дышим!

И звон колокольный наш мир не тревожит,
И чувства возносит к иным мирозданиям.
За далью безмерной мы верность умножим,
Чтоб стать ещё краше в иных созиданиях!

И ветер не хлёсткий, а солнечный, вечный,
Нам первое мая, украсит раздольем!
И верностью знатной, наш путь безупречный –
Оценит по-майски, домашним застольем!

И песня споётся, в небесья взлетая,
За память о прошлом, за тени безверья.
Туда, в запредельность, где радость святая –
Шагает по маю, что кисть акварелью!

ЗВЁЗДЫ СМОТРЯТ ЛОМКО

Течением воздуха величие несло:
Вязь ритмов, ноты, из аккордов дома.
Баян играл своё густое ремесло –
И восхищал прохожих до упора.

И заливался чистой музыкою день,
И полдень наполнялся высотой.
Светилось небо, открывая карусель,
Где ласточки игрались над водою.

И теплота объяла музыкою мир,
Что крылья чаек с волнами сливаясь.
На берег чистый день безделья наступил,
И музыке дивился растворяясь.

И высота лилась, меняя ритмы дня,
И каждое мгновенье нот – иное!
Над тихою волной под музыку парят –
Сокрытые слова: летать в миноре.

И громкий яркостью нежданности мажор,
Взрывался вдруг, как будто, ниоткуда.
Как будто ветер буйств, разгульности ножом –
Срезал по берегу дневные чуда.

И волны, будто, стали выше облаков,
И чайки вдруг вскричали срезом гулким.
И музыка неслась, гуляя в далеко,
Где слово в ожидании разбудки.

И сумрак заполнял, весь берег, моря даль,
И петь хотелось до безумья громко.
Умолк баян в аккорд и вечер тихим стал,
Не слышно моря, звёзды смотрят ломко.

Я- ИЗ РАЯ!

Вот в ночь, присядешь у порога –
И смотришь: в небесах дорога.
Как будто время мирохода –
Рассыпала вверху природа.

И без указки на восторжье –
Найдёшь себя в дороге божьей.
И растворившись в невозможье –
Взлетишь собою в стихосложье.

Где есть слова любви творенья,
Где миру свет – благоволенья.
Где сила духа безупречья –
Не вносит светлости увечья.

И всё вокруг – твори – объёмно,
Где нет тревог и всё привольно.
И миролюбие стабильно,
И рифмы стонут не обильно.

И восхищеньем не заносит,
Куда и стыд уйти не просит.
Где и безумье мир не косит,
А ввысь стихами жизнь возносит.

И плача детского не слышно,
Там всё прекрасно и всевышне.
Не бродят мирности бездомно,
И тишина – развесью вольной.

И вся любовь – из непознания,
Откроет путь к мирам свиданья.
И слово женское измаяв,
Прошепчет тихо: «Я – из рая!».

ХУДОЖНИК

Какие дали жизни видятся ему!
Какие светлости и ясности узоры!
Где вечер, вмиг, скрывает зарева сурьму,

Где высятся, сияньем, пожеланий зори.

Палитрой яркою открытостью – взлететь,
Над миром, где в любовь насыщенные люди.
Где колором забот: иль жить, иль умереть?
И гласом до высот – альбомы и этюды!

Триптихи, зарисовки на миражность дней,
Что так неожиданно, вдруг, меняются на сочность.
Валёром жизни – дыхание полей,
И луговое притяжение на прочность.

И оживает холст: он верности полёт,
Где тишина с небес исходит миром ёмким.
Где вечность и любовь – единое своё,
Что колокольчики в лугах – цветами звонки.

И солнце не спешит укрыть закатом взгляд –
Сияет безупречно творческою далью.
И краски не меняют бытом свой наряд,
И возгласы в тиши непознанной спиралью.

И лица детские восторженные в мир,
Что смехом выразить – глубокое искусство!
Им хочется играть заряженностью игр –
И лица детские сияют в мирных чувствах!

А там Земля полна не тронутых забот,
И космоса глубины манят покореньем!
Художник взял мольберт – дней таинства работ,
И возлетел душою в цвета откровенье!

КТО ВОШЁЛ?

Тайность скрипом – ненадёжность,
Отворила дома двери?
Заглянула, что, влюблённость,
Чтоб согреть остаток лени?

И прилечь со мною рядом,
Молчаливою усладой.
Быть со мною до рассвета,
Темнотою без запрета.

И шептать на ухо лаской,
Что твоя я, без остатка.
Что ты звал меня под вечер,
Ведь ты леностью отмечен.

Ты ушёл, не попрощавшись,
От бумаги рифмой светлой.
Не признался, что уставши –

Хочешь спать в дали несметной.

Чтоб никто не потревожил,
Беспокойством не стреножил.
Не кричал: зажгите свечи,
Что давно уж умер вечер.

А подайте спальню ночи,
Пусть тревожем не хохочет.
Темнотой закройте двери –
Я её собой согрею.

И отдамся нежной ласке,
Пусть на ухо плещет сказкой.
И возносит в сонной нише
Дома свитого, извыше.

Но, вошёл, кто – ненадёжный,
В мир любимый, мой таёжный?
Он вошёл в лохмотьях рваных,
И улёгся под диваном.

АПРЕЛЯ ЦВЕТ
(Сестре Гале!)

Апреля цвет, под верный, яркий день,
Под высоту ярчайших сил творений!

Твой мир создан из ценнейших мест,
Что чистота волшебности свирелей!

Из звучности садов, что песнь весны,
Из небесов, где солнце дышит верой!
И поздравленья – в радости светлы,
Что церкви купола, в любви безмерной!

И красит зов из нежных облаков,
Из таинства высот, что ты в расцветье!
Что мир в любви, и бытом не таков,
Как видится, порой, что в зарубежье.

И ты, взяв чарку в руку, вознесёшь,
Что всё в садах уже цветёт с избытком!
И звон бокалов мягко донесёт –
Все поцелуи родины – улыбкой!

Заботы – прочь: сегодня день не тот,
Чтоб мир трудил безмерно твои руки!
Сегодня праздник повыше всех высот –
И музыка целует светом звуки!

И мир ценнейший, верности удел,
Тебя поздравит с чистым днём Рожденья!
А там и я, что в жизнь не огрубел –

Пришлю свой день, для твоего свеченья!

ДОЖДЬ

Вот за окном, волнует тайной дождь,
Видать ему не можетя уснуть.
Где ночи сон – нетронутая мощь,
Плывёт из тьмы, что капельная грусть.

Сквозь рваность мглы таятся облака,
Вглубь сна двора – желанием прилечь.
И вишен цвет, сквозь капельную течь –
Дыханьем льёт всемирный аромат.

И плещет по карнизам тихий зов,
Стучится тайно в сердце: «Выходи!».
Найдётся непотерянность любви,
Что недопитый верности рассол.

И глубина ушедших встреч взойдёт,
Под ровный шепот званою весной.
И прошлое откроется дождём,
Где мир объятий, жаждою ночной.

А дождь стучит разгулом по окну,
По сердцу, что исторгнутая весть.

Бьёт по карнизу, хлещет по двору,
И рвётся в сон, в котором меня нет.

ТАК ЛИ ЭТО ?

Ты сегодня встала – рано спозаранья,
Разбудилась чувством, что и я с тобой!
За оконным летом – от зари желанье:
Осветить любовью, мира день людской.

Где свиданьем ладит ветер с тихим садом,
С расколышьем клёнов, с дальностью полей.
Где сияя мирно, высится наградой –
Нежная улыбка от любви твоей.

От церковных звонов торжество величья,
Колокольным словом поднимает ввысь!
Над селом безвестным, царствует столичье!
Центр земли небесной – ось: единства – жизнь!

Праздником Купала, клёном одарило
Воскресенье лета, вне чужих начал.
Ты сегодня встала – ранностью ярилась,
Поцелуем жарким – мир тебя венчал!

И над тихим садом, где свидетель ветер,

Песню высью звонко я воспел за синь!
Засквозила память, мысль сорвалась с петель?
Закачалось небо в тучах парусин?

Так ли это было? Ты вставала званию?
Воспевала утро, за тобой и я?
И при этом нежно, обнимала статью,
Внеземные чувства, светлостью даря?

Так ли это было? Иль ушло в забытость,
Промолчало ль утро, сумерком за даль?
Ты была ли светом, что упал в сокрытость,
Что в осколки битый, верности хрусталь?

Не найти ответа, спрятался за угол,
За тоску и время, за былую твердь.
Ты вставала где-то, только не в то утро,
Где церковны звоны воспевали медь.

ИЗ ДАЛЁКИХ ДАЛЕЙ

Брошенные мысли на исход причин,
Вне погоды смысла, вне иных кручин.
Вне судьбы историй – ветер гол до дна:
Не оделся утром радостью двора.

Но сумел нарядно тронуть разноцвет,
Средь кустов смородин лёгкостью уснуть.
Вишни, что успели взволновать рассвет –
К небу восхитились: ветви – в синеву!

Златость абрикосов – наравне цветам!
Запахи восторга – праздники устам!
Яблони, что диво, красною зарёй,
Возвышают миру таинство своё!

Шелковица – «здравствуй», будто говорит,
«Где бывал, где шастал?» – слышится с малин.
«Мы ведь ждали годы, много дней подряд» –
Сливы говорливо плещут слов наряд.

Груши сочным весом смотрят свысока,
Ветви ширью буйной высят на века.
Зовами желаний клумбы в жизнь цветут,
И, целуя в сердце, родиной зовут.

Где тебя носило, где и с кем бывал?
Где бродил – в бессилье? Горе ль познавал?
Иль нашёл бесценность сполоха любви,
Где потеря – верность, пустота в груди?

А могучий дуб – ввысь, держит небосвод,

В жизнь, раскинув ветви, над двором свобод!
Из далёких далей слышится – люблю!
Только, где то время? И в каком – краю?

Эй-Эй!

Эй-эй! Позвать, так хочется, кого-нибудь!
Но откликом лишь эхо отражает звук.
И вербы над рекой склонились над волной –
Молчанье тишины, а хочется живой.

Живой, до немогу, до высоты любви,
До тайной тишины, за берега реки.
За мерклый горизонт, за глубину небес,
Что тянется ко мне сквозь облачную взвесь.

Эй-эй! Есть ли кто-нибудь за этой тишиной,
Что молкнет под закат, горящею зарёй?
Ответ: лишь всплеск реки, пускающей круги,
Как будто уж никто не хочет говорить.

И ольхи, что в серьгах, кивают тишиной,
И молкнет всё вокруг, что глушь страны лесной.
Трава на берегу, зарылась в немоту,
Как будто день устал: прилечь бы на свету.

И ветер, тот хитёр, укрылся под шатёр
Небесной тишины, для будущей гульбы.
Для развеселья сил, для гона облаков,
Над тихою рекой, для удали судьбы.

А облака плывут, горящие в закат,
За тихий горизонт, за берега – «Эй-эй!».
За одинокий мир, за тайность перигей,
За странные круги, мои, наверняка.

В ИНУЮ ПАРАЛЛЕЛЬ

Тревоги – мрак! Из сонных мыслей – почему,
Так монотонно тикают по времени часы?
Седой порог таит дымящую свечу,
Проём дверной зовёт: он – темнотою сыт.

И мрак вдыхает ночь, сжимая тишину,
Из мыслей маята – дыханьем за полёт.
Что было – позабыть, не в счёт, что душу жжёт:
Стучат часы в ночи, куда-то, за межу.

За черноту теней – не прошенных гостей,
Что толпятся быть сном, бездомно, впопыхах.
За таинство из стен, где оживает тень,
За лики образов, что смотрят сквозь века.

За улицы домов, спешащих городов,
За пустыри души, чтоб не селилось зло.
Где ночь, при днях живёт, как стонущее «я»,
Где в мир стремится мрак, любовь не отстояв.

В стенании Земля, рассвет, что пал в закат,
Он впереди – зарёй? Что в прошлое – тоннель?
И мысли, что в проём, упали в сонный мрак,
За лики, за стену, в иную параллель.

ТЫ КУДА?

Былое ли было былым?
Спросить, теперь, кого в пути?
Все верные ушли, что дым –
С огня величия любви.

Иль время, то былое есть?
За дальнею чертою сна,
Где бесконечной силой весть,
Шлёт неизвестности, куда?

И чувства волнами плывут,
По одиночеству одни.
И беспрестанностью зовут:

Не уходи, в былые дни.

Не уходи в тот непокой,
Что горизонтом не вернёшь,
Что в горь слезами не возмёшь,
А, лишь, найдётся пути сбой.

Не уходи от уст себя,
Чтоб песни в таинстве допеть.
Чтоб до себя вмиг долететь,
Где дни живое серебрят.

И чьи-то слышно голоса,
Из глубины далёких снов.
И пала на глаза роса,
Как мир, что жизнью невесом.

АХ!

Ах! Запах маттиол возносит милость улиц!
Как поднимает дух, взлетая в мир любви!
Он эйфорией высит, изгоняет туч с лиц –
И вне пространства в радость просится войти.

И лёгкостью, какою, вечер в милость дышит!
Из чувств – творенья слов, что свет им дорожить!

И вечер бесконечно в звёзды ясно вышит,
Что вся Вселенная вглубь радости спешит!

И травы пахнут добавленьем к маттиолам,
И – тишина, сверчковая, совсем не зла!
Полынь – горченьем окружает святость дома,
И поднимает в мир все пряные места.

И под крыльцом живёт утайная собачка,
И посылает по округе добрый лай.
И вечер пахнет – жизнью: святости – не пачкать!
Здесь – тишина любви, и всей планеты – край!

ГОРИЗОНТ

За горизонтом горизонт, и дальше, дальше –
Непостижимости мираж, вопросов больше?
И нет границ соцветий звёзд, и жизнь, всё так же,
Где быт несвёрнутый тираж, над миром звонче.

И странный путь, что млечность снов, зовёт не
бранью,
А средь ночи, под тихий мрак, сокрытой званью.
Идти всё так, как шёл всегда, под чистый голос,
Где верность верила в себя, не мера возглас.

Где свет с оконных чудачков гардинной зеброй,
И штор – распахнутая воля, в далёкость манит.
Где мягкий свет – иконостас, сияет верой,
И высь затаенных дорог, пути восславит!

И горизонт, сквозь свет луны, возносит стимул,
Где вечность правит за окном, и нет пределов!
И тени с окон чудачков, сбежали в серость,
И от стены, иконостас, вливает силу!

А чуждый скрежет со двора, молчать не хочет!
И звук неведомого зла, собой не стоял!
Но вера званная велит шагнуть вглубь рая, –
До самой ценности любви, сквозь мраки ночи.

Идут по комнате шаги, что верность силы,
Шагает, кто-то, в зов любви, под словом: «Милый!».
И шторы вскинулись зарёй с ночи свиданья,
И мягкий свет от чудачков, для просыпанья!

ТЕПЛО

Раскинулось тепло на майские луга!
На красоту цветов, что на поляне дня!
Из тишины высот, цвет радуга-дуга –
Раскрыла аркой высь, мельчайшего дождя.

И капли – не беда, не жалят по лицу!
И лужи на весу: быть в травяной красе!
И цвет черёмух – взлёт, что песня на лету,
И светлость вознесло по жизни-полосе!

А там, за полосой, чернеет быт любви,
Горит упасть в закат, за тайный горизонт.
За сумрак, из-под дня, сокрытостью пути:
Забыть всё о себе, под утренний восход.

Под тишину забот, что искрою былой,
Мигнули по делам, в забытости иной.
Где из вершин любви, сгорая белизной,
Подкрался жадный мрак, обманностью грешной.

Где, из-под чистоты, взглянула суета,
Что холодом прошлась, молвою окунув.
И нет иных проблем, что павшая листва –
Опала на луга, неверность распахнув.

И плачь склонённых ив над вечною рекой –
Из верности любви, упалой стороной.
По небу облака, угрюмой пеленой –
Прошлись по вере дня, сокрыли мир святой.

А всплески синевы, средь золотых купав,
Воззрением любви – фиалковым теплом!
И сумрак не спешит, чтоб день в цвет не устал –
Величие дождя, шлёт с тёплых облаков.

ТЕБЕ

Тебе, любимая моя – творенье!
Не впереди, не позади, ведь, рядом – я!
Цветы тобой живут на восхищенье,
В мир пламенность даря, что верности заря.

Идём с тобою миром осветлённым,
Словами чистыми не отвергая путь.
Мы будущим творим неразтворённым:
Достоинством своим – вперёд, не отвернуть!

Не ублажить исходные потери,
Что просятся назад, в наш ход извитых лет.
Мы лесом тихим радости измерим,
И окунёмся в чувства: мы природы ветвь!

И званным лесом, мы, за руки взявшись,
Откроемся собой: всей живности – восторг!
Мы – ветви хвой, бёрёз, осин – венчавших –
Небесный мир! Для творчества – живой исток.

И речки – плеск, запрятанной осокой,
Сердца нам нежит, мягким поцелуем губ.
И льётся жизнь, ввысь творчества протокой,
Где мы вдвоём: и лес, и тишина вокруг!..

ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ!

Господи – помилуй! Господи – помилуй!
За шаги мои неверные по миру.
За тоску и жажду о великом слове,
О безбрежной мысли, о далёком доме.

О душевной боли от кровавой стали,
Что людьми безверья, губят души света,
Где цветы – высь лета, вялостью опали,
На туманность силы, без любви просвета.

На пустыню жизни от войны горячей,
И холодной тоже, что безумно скачет.
К миру заточенья жизненной разрухой,
Дав надежду людям правдою пожухлой.

Господи – помилуй! Господи – помилуй!
Всем народам мира дав свободы силу.
Чистотой и верой до церковных звонов –

Потянутся сердцем, жить – родней с иконой.

Пред Тобой склоняю голову земную,
До цветов июльских, позабыв безверье.
Сумрак замахнулся проглотить вечерье –
И упал вопросом в глубину ночную.

КТО В ДОМЕ ЕСТЬ

Кто в доме есть, кроме меня, кроме меня?
Углы тревожатся шептаньем тихо.
Ночную тяжестью зги таинство храня –
Крадётся мрак, не родственно, шутихой.

Из стекольных проёмов свесилась дуга:
Луна мерцает шторой – еле-еле.
Иль это месяц заглянул извысока,
Позвать в гулянье по небу алее?

Иль, может, это давний ночи поцелуй,
Что жарко девичьи прильнулся дрожью?
И тянет сердцем губы алые к лицу,
Что поиском любви по бездорожью?

И возвращенья просит радостью встречать,
Тот поцелуй – тревожный, в жаркость верный.

Что хочет, вновь, тревожностью взлетать,
И чтоб всегда, тот поцелуй – был первый!

А ночь, ответным чувством, темнотой глядя,
Любила тихо, дрожью, ненаглядно:
«Я в доме есть – внутри тебя, внутри тебя»,
Углы шуршали мраком непроглядно.

ЗАИГРАЛА ЖЕРЛИЦА

Заиграла жерлица в осоке весной,
Завела, что свет – о любви, о любви!
Целует небо ива, стоя над водой,
Ветви от высот зелёные склонив.

И щебетанья птиц – взошли началом дня,
Затронули реку – играя эхом.
Прелюдией заря – рань небесов родня,
Сверкнула полосу над сизым лесом.

И радостью открылись мира голоса,
Из тишины соткав созвучье выси.
И жемчугом роса, от пробужденья сна –
Опала на траву, сонливость выпив.

И ветер листьями играет ранний вальс –

Танцуя с ними на собственном весу.
И в такт им музыкой звучит речное – «ква»:
Жерлица поёт своей любви весну.

СКОЛЬКО ДНЕЙ

Сколько дней не хоженных упало,
За черту неверия и боли?
Где вдали, затаенным угаром,
Дышит время – на безволье сводит.

И спросить, уж, некого – пустыня,
Всё вокруг, что пущено по миру.
Сквозь траву зелёную постыло –
Стон крадётся, что теряешь силу.

И теряешь смысл, и веру жизни,
Там ли был, творил – не в наказание?
И нашёл ли то, что не зажил ли,
Зов исканий: там ль твоё призванье?

Тихо день колышется полынью,
И дубы раскошьем высят к синюю.
Запах мира, ада, иль немилья,
На лугу неведомом бессилья.

Но вдохнувши грудью, полно, цельно,
Тот нектар, что жизнью дан бесценно:
Руки – вширь, раскинув – неба выше,
Где полынь безверье заколышет!

АБЕРРАЦИЯ

Что тайны мир, замшелый дымом скудным,
Вбирает амальгама подвечерний мрак.
Глотает зеркало волненьем смутным,
Частицу комнаты, просвеченной в дуршлаг.

Лоскутной плёнкой живо мрак свечение,
Тревожно смотрит сдвиг неведомых времён.
Рябит волнисто странное виденье –
И тускло манит вглубь, мерцающим огнём.

Там, ль, за стеклом, зовущий метафизик,
Вечерний тянет миг в затаенный мирок?
Где вихри снов – до жизненных ревизий,
Откроют бывший грех, чтоб наказаньем, впрок?

И дрожь, стекольной, неуёмной зыбью
Энергию хватает в таинства закут.
И снежной жутью, амальгамной сыпью,
Мерцая, зеркало, затягивает вглубь.

Вглубь aberrаций, не приживших дома,
От верности мирам, из будущих надежд.
Чтобы объять глубь тайности измора –
И украшать свой мрак, зеркальностью одежд.

ЛАДОНЬ В ЛАДОНЬ

Ладонь в ладонь – по лугу мы шагаем!
Привет цветам и травам мироцветья!
Мы на ходу восторженно слагаем –
Стихи любви, желая многолетия!

И дышим силой верности июля,
Ведь мы средину лета открываем!
И дышим, дышим, цветом поцелуя,
И мир вокруг мы в боль не напрягаем!

И в сердце – сердцем, закрепляем верность,
Чтоб навсегда без спора и безмерно,
В края любви, восходности, их дали,
Ладонь в ладонь – июлем мы шагали.

И запахи любви, их цвета пряность,
Несём в себе до высоты – в сохранность!
Цветы не трогаем, не рвём – их любим!

До самой-самой глубины июлем!

Подарком нам вдвоём – цветенья луга:
Два мира, что слились единым целым.
Ладонь в ладонь – на верности друг друга,
Июля дни нам светят словом зрелым.

ВОТ, УЖ, И Я

Вот, уж и я, воскрес в себе самом,
Что светлый день восстал из мрачной тьмы.
Над головой рассеялся и смог,
И смысл огарок мерклости сурьмы.

И мы с тобой войдём в глубокий лес,
Где ждут с полян цветы без внешних смут.
И теплота от наших губ и чувств:
Ведь для тебя не зря я в мир воскрес.

И радости осин, и знаки ольх,
Полив росой по нашим бывшим дням.
Соединив раздельность жарких молеб –
Признают нас, восторженно любя.

Цветущий мир, земля и всё окрест,
Отправьте нас вглубь радости лесной!

Ведь, я не зря, из прошлого воскрес:
Любовь – вернуть, жить – вечностью с тобой!

НЕ ПЛАЧЬ

Не плачь, за мной страна, не плачь!
Не рвись страданием горя.
Я меж дубов прилѣг с раздач!
На жизни «семь», иль пять, средь «я».

Не рвись, за мной земля, не рвись,
Пусть на тебе живущий стон.
Я меж дубов прилѣг не в зной,
А в тихий час, на земли высь.

На память дней, на миг удач,
На шум листвы, на жизни суть.
Я меж дубов прилѣг не в плачь:
А в тихий сон, где мира пульс.

Где тишина, любовь и смысл,
От всех дорог высоких дней.
Я меж дубов, прилѣг, где жизнь –
Открылась матерью моей!

И не ржавей закат во зло,

На сонный бред, на вздох земли.
Я меж дубов прилѣг на боль,
На жухлость трав, на павший лист.

О ЧЁМ МОЛЧИТ ДОРОГА

О чём молчит дорога,
Из прочих, прочих, дней?
О том, что жизнь от Бога,
И ты идёшь по ней?

Ступая в днях песочных,
Всё дальше, глубже путь?
И тонешь в мыслях сточных,
И некуда свернуть?

Где кроются безмолвья,
От топота других,
И прячут обездоля,
Под маскою любви?

И зелень от обочин,
Лишь сказкою трава.
И ты идёшь, не в мочи,
Что не твоя вина?

Что пыль песчаной бурей,
Накроет путь земной.
Ты словно сбитый пулей,
Падёшь в песчаный зной?

О чём молчит дорога –
Затишье, распустив?
Дойти до мира прока, –
Где зов всевышних сил?

НЕ ЖАЛЕЙ!

Сожалей, что затронула жалость,
Что один среди чуждых полей.
Где в господстве бесправия жало:
Что смолою всю правду – залей!

Сожалей, что случилась измена
Курса чувства бессрочной любви.
Не сияло ввысь миром знаменье:
Пахло ложью, куда не ступи.

Сожалей, что поддержкою руку –
Не подал сохраненьем стране.
Что смотрел безучастьем в разлуку,
И не смог постоять за расцвет.

Сожалей, сожалей, что крапивой,
Обожгла сердце родины тьма.
Что вторглась в дом обманною силой:
Стал мир пагубный, жёсткий, от зла.

Но о том не жалей, что ты верен –
Миру правды и светлости дня!
Не жалей, что предать не намерен –
Правду жизни, других не губя!

Я УШЁЛ БЫ

Я ушёл бы в мир сосновый,
Я ушёл бы в мир еловый,
В мир высокого доверья –
С редь величия деревьев.

Где любимые мотивы,
Исполняют ветром дивы.
И размерность нотной хвои –
Их поющие устои.

Где не глушь, а жизнь бурленья,
Без обмана и смиренья.
Вглубь природного амвона,

Я б ушёл, что вне закона.

Где родней шумящий ветер,
Чем скрипенье чуждых петель –
Двери скошенной в бесхозность:
То ль в ремонт, то ли в негодность.

Где из серых ветхих окон,
Взгляд измученности стёкол.
Просьбой плачут в мир забытый:
«Взгляд наш болен, неумытый».

И тоска, тоска изгоя,
Липнет липкостью застоя.
Из углов скрипящих брёвен,
Что упасть им, час ли ровен?

Я б ушёл в мир непознания,
В мир природы созидания,
Где нетронут мир сосновый,
Мир влюблённый и еловый.

ТО ЛЬ ТЕПЛО НЕ СОГРЕЛОСЬ

То ль тепло не согрелось – мал угольный пласт?
Нам единство вернуть, что уснуть за углом.

Паутиною ссор исплетённая снасть –
Всё стремится поймать подземельем наш дом.

Дом, что старый мотив, музыкант натошак,
Извлекает из тьмы скрипки взъёршенный мрак.
И скрипением нот разрывается стон:
«Кто хозяин всего?». Хохот слышен густой!

Где-то вялости смех, где-то горечи вскрик,
Половицы спешат подавить свой испуг.
Двери – выглянуть страх: вдруг вернётся на миг,
Их надсадности скрип, их исчадие мук?

Как украсить мотив – изменить дома лик,
Ноты кем написать, чтоб стал радостен звук?
И дверям, чтобы стук, жданной радости друг,
И единство вернуть – журавлиный бы клик?

ПОД КУСТОМ КАЛИНЫ

Под кустом калины, что дневная прихоть,
Под кустом калины, спит, не уж ли вихорь?
Он с утра кружился по степным дорогам,
По июльским долам, что в бурьян тревогам.

По искристым блескам, что в глазах – сияньем,

Под зовущим небом, луга – расцветанье.
До глубокой песни, что лилась любовью,
Голосом высотным, что гуляй – раздолью.

Он ветрился звонко – радостью в подарки,
И ютился мирно, ласкою из сказки.
Всем, кто прикоснулся, этого раздолья,
Не принёс, ни страха, ни беды, ни горя.

А калина тихо, ветви наклонила –
И укрыла вихря, как младенца веткой.
Как родного брата, как родного сына,
Укачала сонно, в зелени приветной.

Спрятала от зноя, от зенитной славы,
От жары бездолья, от чужой управы.
От затишья мира, что в унылость гости,
От чужого смеха, падшего до злости.

СРЕДЬ СЖАТЫХ НИВ

Сомкнуть в стихах уста – и сложности зачем?
Страдать в ночи густой, вглубь жалости – прости?
Где тяжестью пустой на собственном плече
Жизнь прошлая живёт, архангелом спаси.

Искать, чего уж нет? Найти, уж, никогда,
Всё сметено давно бесчисленностью выюг.
Бесчисленностью дней, что годы мерно пьют –
И складывают с нив, из сжатости, в стога.

Пройтись бы вдоль ручья, что ласкою извне,
Погладить сжатый мир запрятаный внутри.
Где нежность дивных чувств, светящихся во тьме –
Откроет мир иной в распахнутой груди.

Где я средь зрелых нив, в объятых чистых рифм,
Где прошлое и новь, есть естество одно.
Где тиши благодать, но пустота из нив,
И мысли даже нет, скрыть требую чело.

СВОБОДА

Как звонкости полная ёмкая чаша,
Как светлости ум, раскрывающий мысль.
Как высший порядок не хоженный в марше,
Что песня безмолвья – душевная тишь.

Свобода, свобода – огромное слово,
Огромная сила вне тяжести дней.
Свобода, свобода, и слово – не ново,
Но чистое жизнью и будет новей.

И будет прекрасной безмерной любовью,
Целительной верой и домом родным.
Сияющим чувством, и – прочь обездолю,
И эхо в забытость жестокой войны.

И плачь, только встречей, от долгой разлуки,
Где чувства на радость, не сдавлены в жмых.
Нет слёз огорчений и нет в душе выюги:
Мир сильный и добрый, в открытости – жизнь!

Свобода, свобода – магнитная сила!
Цветенье садов и биенье в груди!
Свобода, свобода – Вселенною мила,
И нет человеку иного пути!

О, ТВЕРДЬ ЗЕМЛИ

О, твердь земли, страны родной,
Ты не для всех всегда тверда?
И разность жизни заводной –
На милость, не для всех верна?

И путь иной в тебе открыт –
Для всех, не одинаков, вглубь?
В мирах иных себя творить,

Где годы совершеньем ждут?

И где трава над головой,
Сокрывшись под густой бурьян,
Отдаст все почести и горь,
Для жившего цвести меня?

О, твердь земли, живущей в свет,
Не верь словам этим чужим.
Они сегодня дрожи весть, —
Что быть такими не хотим!

А станем тем, что ввысь поют —
Мелодией любви слова.
Где верность и страны уют,
Как ты, для твёрдости жива.

Для рук, сомкнувших дружкой мир
Высоких дней — повыше войн!
Повыше бед! Ты твердь земли —
Любовь и жизнь страны родной!

А УЛИЦА

А улица — в домах, белеющих садах!
Под одуванчики дорога расступилась.

И небо – от любви, засинелось в местах,
И тучи разошлись, и летность расцветилась.

Вся улица – июль! И радости восторг!
И земля пахнет незабытой правдой лета!
Что было так – тогда, и прошлый лета год,
Пусть даже песня наша рифмой не воспета.

А птицы – на распев, и вишни ценят впрок,
И сушат свой запас, на крышах, по-хозяйски.
И улица – в края: начальности росток –
Ведёт к саду любви, к деревьям, летом райским.

Где тайная живёт влюблённостью мечта,
Где яблочный налив, колючий тёрна угол.
Где поцелуем стих в июльские уста,
И сердце – лета цвет, не тронутое мукой.

Ах! Улица – во мне! Ах! Улица – во мне!
Иду по ней, достойно, растворяясь в стене.
И радости – полно, я не был здесь – сто лет,
Иду по ней, иду, без ожиданья в доме.

НЕ ХОДИТЕ ПО МНЕ

Не ходите по мне в сапогах,

Не топчите безмерную суть.
Я живу ещё в чистых лугах,
И никак не задался уснуть.

Я ещё не спешу ленью в мысль,
Чтобы течь бесполезной рекой,
Где шумит только песней камыш,
И бесцельный страданьем покой.

Я ещё не сумел тосковать,
По ушедшему с радости дню,
Чтобы вечности дать ликовать,
И бездумно шагнуть в западню.

Не ступайте бесцельно по мне,
Не ищите прошедшую грязь.
Я ещё до высот не воспет,
И не шлите бесправия лязг.

Травы мягко шумят на июль,
На высокие чувства в груди.
На доверье слова создают:
Не ходите, по мне, без любви!

НЕ СЕГОДНЯ, НЕ СЕГОДНЯ

Не сегодня, не сегодня,
Я приду к тебе не модный,
Приодетым телом старым,
Не весёлым, чуть усталым.

Я приду совсем не сводный,
В не закрытый мир комодный.
Где в углу, чуть-чуть не годный –
День рождения погодный.

И не тем, что в быт угодный,
И не тем, где мир исходный.
А живым, не с преисподней –
Я вернусь в свой дом свободный.

От шумливой непогоды,
Он научит жить за стоны,
За усталые невзгоды –
Я вернусь в дом не сегодня.

Он заждался, словом мудрым:
Молчаливым жить – быть скудным.
Одинокий дом бездомный –
Мной забыт, что вздохом сонным.

НЕ СЕРДИСЬ

Не сердись подо мною земля,
Не тревожь под ногами тревожем.
Я давно разучился стрелять,
И вернутся назад – невозможье!

Я ещё не ушёл – никуда,
Не забыл о высотности долга.
Ты звала меня вечно в себя –
Потерявшего стадности волка.

Но от яблони плод – недалёк:
От тебя я совсем не сбежавший.
Не стреляю я прошлости влёт,
Я – объятый тобой, не упавший.

И не спица я в том колесе,
Что скрипит, по задворкам скитаясь.
Я ещё умываюсь в росе,
И небесью любви восхищаюсь.

Не сердись под призывности звон,
Что звонит и звонит безуданно.
Я не вызван расстрелом на кон,
Где безгрешность стреляет хрустально.

И хоругви несут не по мне,
Где оркестры, в стон плачут, взывая.
Я безвременьем сокрылся во мгле,
С дней опавших, поминки срывая.

МЫСЛИ СТРАННЫЕ

За стон земли, вцепившись верностью своей,
Как за последний угол мира притяженья.
В страну себя – добраться, чтобы не сгореть,
В бессмысленности дней, вне зова сотворенья.

Вне силы искаженья радости своей,
Без остроты свиданий, что за миром ждутся.
За тонкости искусств, где на душу – елей,
И стойкостью – ли быть, иль ленью обернутся?

Иль в тот прорыв, что жаждою несмело ждёт,
Где быт неяркости сменяет тихий сумрак.
Где жизнь суровая к неясности зовёт –
Уйти ли я готов, не плавится на муках?

За край всего, того, что было, и что нет,
Как в глухомани песнею волшебной-звонкой.
Подняться в ёмкий миг, рубахой нараспев,
И воспевать себя, добавив прошлым громкость?

И мысли странные раскинутые в синь,
Овраги стойкие, протянуты вглубь бездны.
Где изначально – я, бесценной жизни сын,
Но, только, вот края, невылазно отвесны.

НЕ ЗАБУДЬ

Висят провода, проржавев, над землёй,
Над усталой травой, что под осени в цвет.
К лесу жмутся дома упалой слезой,
Что кажется мир – здесь бездольем раздет.

И неба сукно треплет серости стяг,
Ветром угнана тишь – не запрятать в кустах.
Дорога пути завернулась в бурьян,
И отчуждила жизнь, под шагами устав.

И колодца журавль не стукнет ведром:
Он своё отслужил, верность низко склонив.
Осень листья вскружив – одиночества ив,
Златом бросила клич – преступив рубикон.

И вечности крик: не исчезь – вороньё,
Машет крыльями в гам: им ли ведом испуг?
Здесь из прошлого – жизнь, незабытости губ,

И слова – нежный плеск – вечерней зарёй.

И слов поцелуй – радость верной любви,
Там, в заросшем саду, вспоминаньем горяч.
Буйно слышится стук в тревожной груди:
Здесь ли это было? Вспоминанье – не плачь?!

И теперь ли тот дом слезою размыт,
Что когда-то ценил, что любви волшебство?
Что вносил нас любя, вглубь верности ввысь,
Где в единое «я» мы сливались вдвоём.

Но дома, что слезой, пришли в никуда,
И столбы проводов – в быт оборванный путь.
Здесь была ли во мне живая вода?
Или памяти мгла: не забудь, не забудь?!

КОМУ ВОЛЬЕ – НЕДОВОЛЬЕ

Кому волье – недоволье,
Кому недоволье – волье.
Кому сольные аккорды –
В клетки втиснутые морды.

Из-под слова – то – бессловье,
Исподлюбя – взгляд в бездолье.

Голос павший – мир – заужен?
Нужен? Никому – не нужен!

И тоска – любви величье,
Ложит горечь на обличье.
Падший в пропасть – не вернётся,
Глубоко спешить придётся.

И спросить кого-то надо:
Много ль ходу до упаду?
До не сложенного ладу,
Где в безладье полно смраду.

Пыль дороги не тревога,
Это глупости подмога.
Это чувство пыльтворенья,
Жаль, а видит ли – Вселенья!?

Что неволя – то – неволя!
Сколько сжатого в ней горя.
Сколько сыпано увечий,
В раны вскрыты человечьи.

ВЕРНЁТСЯ ОПЯТЬ

Месяц фазою мерит упавший закат,

Ветер сонный, из удали, спрятался в тишь.
В небе звёздная высь манит вечностью стать,
Чтоб вобрать собой всё, бесконечностью сшив.

И запретов найти – никому уж нигде,
Чтоб взлететь от земной беспросветной глуши.
Выше странных забот, от изношенной лжи,
Воспарить вне затей, от безумности дней.

Между сосен, осин, звёзды мерно зовут:
Всё к себе и к себе, от неверия пут.
Ветви машут – прощай, от туманности зги,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.